

Литвинов, Н. В особом измерении / Н. Литвинов // Звезды подвига : На земле Афганистана / Сост. И. М. Дынин. – М.: Воениздат, 1985. – С. 50–59.

В ОСОБОМ ИЗМЕРЕНИИ

Гвардии майор Александр Петрович Солюянов родился в декабре 1953 года в селе Пономаревка Оренбургской области. Окончил Казанское суворовское военное училище и Рязанское высшее воздушно-десантное командное дважды Краснознаменное училище имени Ленинского комсомола. Служил в составе ограниченного контингента советских войск в Афганистане. За мужество и героизм, проявленные при выполнении интернационального долга, удостоен звания Героя Советского Союза. Награжден орденами Ленина, Красного Знамени, Красной Звезды. С 1984 года – слушатель Военной академии имени М. В. Фрунзе.

По заданию редакции собирал материал о кавалерах ордена Красного Знамени. В политотделе воздушно-десантных войск поинтересовался:

– У вас есть краснознаменцы?

– Еще бы! – с гордостью ответили политработники и первым назвали гвардии майора Александра Солюянова.

В памяти промелькнули годы учебы в Казанском суворовском военном училище. «Не тот ли Саша Солюянов, вице-сержант, мой командир?..» Впрочем, тот, если верить слухам. Распрощался с мечтой о десанте едва ли не в первые дни учебы в Рязанском высшем воздушно-десантном командном училище. В ненастный осенний день, когда на учениях получил тяжелую травму.

Вопрос – тот или не тот – оставался открытым, в журналистский блокнот легла строка: краснознаменец гвардии майор Александр Солюянов.

А потом была весна. Май восемьдесят четвертого. Большой Кремлевский дворец. Пятое Всеармейское совещание секретарей комсомольских организаций. В фойе Дворца за несколько минут до начала первого заседания услышал знакомый голос, обернулся и... Так вот еще почему не совсем верилось, что краснознаменец гвардии майор Солюянов и вице-сержант Солюянов – один и тот же человек! По моим подсчетам Солюянов, как и другие суворовцы нашего выпуска, ставшие офицерами, должен был носить на погонах не более четырех маленьких звездочек. Но я не учел, что армейская служба и продвижение по ней измеряются не только годами – делами. А дела Александра Солюянова были столь весомы и значительны, что звание капитана он получил досрочно. Можно сказать, что Александр жил не совсем так, как мы, его товарищи по суворовскому, а в особом измерении.

С золотой медалью он окончил воздушно-десантное училище. Получил назначение в школу прапорщиков. Год командовал здесь взводом, и ровно столько его подразделение было в школе лучшим. Стал командиром курсантской роты в родном училище. Четыре года обучал и воспитывал будущих офицеров. Все четыре года рота лидировала в социалистическом соревновании. На плечи подчиненных Солюянова легли лейтенантские погоны, а на погонах

командира роты прибавилось еще по одной звездочке. Прибавилось, как говорится, раньше положенного срока. Потом – Афганистан. О том, как комбат Солуянов выполнял интернациональный долг, красноречиво свидетельствуют полученные им награды – ордена Красного Знамени, Красной Звезды. Они стали как бы ступеньками к высшему признанию гражданских, командирских, человеческих качеств Александра Петровича Солуянова. Указом Президиума Верховного Совета СССР ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

Я читал Указ, и строки его всколыхнули сердце и память.

Осень шестьдесят девятого. Плац Казанского суворовского военного училища. У нас, двадцати пяти коротко остриженных мальчишек, вчерашних восьмиклассников, особое построение: сейчас будут названы командиры отделений. Первые наши командиры. Стою по ранжиру где-то в середине строя.

Искоса поглядываю направо, предвосхищая события: сейчас кому-то из этих высоких парней будет оказана честь быть во главе суворовских отделений. Не только я, но и рядом стоящие мысленно завидуют тем, кто на правом фланге.

– Суворовец Солуянов! – выводит нас из раздумий голос офицера-воспитателя майора Нашата Фаттаховича Ганеева.

Разом перечеркнув наши ожидания, не с правого, а с левого фланга, чуть ли не с самого конца строя, чеканит шаг приземистый, крепко сколоченный паренек. О нем я пока знаю совсем мало: окончил восьмой класс на четверки и пятерки, в небольшом чемоданчике у него лежит повесть Валентина Катаева «Сын полка» да еще пара лыжных ботинок.

– Да-а, – шепнул мне сосед по строю, – ростом-то наш командир не того.

Но месяца через два были в нашей суворовской жизни первые стрельбы, первая полоса препятствий и еще многое из того, что навсегда остается в сердце и памяти, потому что окрашено эпитетом «первый». И Александр Солуянов, не «взявший» ростом, как раз и взял лучше других препятствия на полосе, был первым в стрельбе из автомата и единственный из всех нас получил первую благодарность от офицера-фронтовика.

– Однако, Солуянов, ты – герой, – впервые сказал майор Ганеев.

До той осени, когда словами нашего офицера-воспитателя ратный труд Солуянова оценит страна, оставалось ровно пятнадцать лет. Осенью восемьдесят четвертого страна назвала его Героем с заглавной буквы.

Известно: есть подвиг, исчисляемый мгновениями, есть такой, что длится годами. Доказано: к первому лучше подготовлен тот, кто совершает второй. Подвиг Александра Солуянова можно выразить в двух словах: выполнение долга. Точнее – интернационального долга.

Когда разговаривал с ним, пытаюсь выяснить «самое-самое», Солуянов сыпал фамилиями подчиненных: «А знаешь, какой был у нас замполит, а комсомольский секретарь?..». И гвардии майор Виктор Голуб, заместитель командира батальона по политчасти, и гвардии прапорщик Геннадий Филипцов, секретарь комсомольской организации, как и многие из боевых друзей Солуянова, разумеется, достойны похвалы. О себе же Солуянов умалчивал, и я пожалел, что не было рядом с нами гвардии сержанта Анатолия Федорова. Того Федорова, который... Нет, одной фразой тут не обойтись.

Ночь настигла батальон в горах. «Привал, – распорядился Солуянов, – а на рассвете – в путь».

Но на рассвете к комбату подбежал врач батальона и сообщил, что тяжело заболел гвардии сержант Федоров, необходима срочная отправка его в медбат.

Вопрос: как отправить? По серпантинам горных дорог? Не выйдет. Малейшее промедление – и врачи будут бессильны. Выход один – вызывать вертолет.

Солуянов тут же связался со старшим начальником и доложил о случившемся.

– Нужен вертолет, – закончил комбат.

– Вертолет? Ночью? В горы? Да вы думаете...

– Думаю, – спокойно ответил Солуянов, – что только так можно спасти человека.

– Хорошо, – прозвучало на другом конце провода, – вертолет прилетит.

Далее уточнялось: куда именно. Место было указано труднодоступное. До него – нелегкий путь через горы. Смогут ли, успеют ли доставить туда тяжело заболевшего товарища?

Смогли и успели. Во главе группы шел сам комбат.

Не только Федоров мог бы сказать много искренних, теплых слов о Солуянове. Как о командире заботливом, требовательном и принципиальном говорили о нем и Юрий Панчик, и Сергей Хахалев, и Игорь Куличенко, и... Да разве назовешь всех подчиненных Александра, кто рядом с ним возмужал и окреп, кто, уволившись в запас, частенько вспоминает своего командира.

Впрочем, и Солуянов говорил о подчиненных с не меньшей увлеченностью. Труднее приходилось, когда дело касалось его самого.

Мне могут заметить: опять журналистский штамп. Что ни герой, так неразговорчив. Но что подделаешь, если по такому «штампу» в большинстве своем сделаны люди, отмеченные печатью отваги? Что подделаешь, если доблесть немногословна?

«Был случай», «Да, было дело» – вот, пожалуй, все, что можно было вытянуть из Солуянова, когда я пытался брать у него интервью.

– Саша, – сказал тогда, – представь, мы снова в суворовском, рассказываем друг другу о прошедших годах.

Глаза Александра сразу вспыхнули задорным огоньком.

– Ну, тогда слушай. Было дело...

Было оно на учениях. Задача перед батальоном Солуянова стояла такая: оседлать горный перевал, выйти в тыл «противника». А высота гор такая, что глазами не достать.

Но глаза страшатся, а ноги идут. Перевал оседлали.

Передохнуть не успели – новая вводная: взять еще одну высоту и вновь выйти в тыл «противника».

Кто-то из подчиненных Солуянова пошутил, что если число вводных будет соответствовать числу горных вершин... Ах ты, батальонный острослов! Знать бы тебе, что та вершина, которую предстояло покорить, потребует вершинного мужества и мастерства, ловкости и хитрости и еще многого из того, чему учится воин.

Александра Солуянова тоже, понятно, волновало, сколько еще будет вводных и сколько вершин. Ведь тем, кто идет за ним, в основном всего по двадцать. Хватит ли у них сил?

Всего по двадцать. Если бы перед началом того учения поинтересовались у Александра возрастом его подчиненных, то в ответе перед словом «двадцать» непременно прозвучало бы короткое слово «уже». Уже по двадцать, потому что научились десантники каждый свой шаг, поступок, дело оценивать мерой реального боя.

Прибыл в батальон Владимир Фролов. До службы трудился на одном из московских заводов. Вроде бы неплохо. Но в армии дело не заладилось. Хоть на огневом рубеже, хоть на полосе препятствий. Все у него шло наперекос. А на одном из учений, где обстановка была приближена к реальной боевой, вообще сник. Но это еще полбеда. Хуже другое – кое-кто из воинов стал отпускать в адрес солдата обидные реплики. Прогляди командир, и тогда от крохотной спички – одной-единственной колкой фразы – мог разгореться костер ссоры.

Солуянов не проглядел. На одном из комсомольских собраний он завел разговор о войсковом товариществе. А когда услышал шепоток в задних рядах: не по повестке дня говорит, мол, командир, не замедлил с ответом:

– Без крепкой армейской дружбы нам никаких проблем не решить.

После собрания командир батальона попросил Фролова задержаться.

— Вам сколько лет? – спросил Солуянов у солдата.

— Десять, – выдал тот, – всего десять.

— Это хорошо, что «десять», – улыбнулся Александр. – Значит, есть время исправиться. А мы вам поможем.

Прошло полгода, и уже трудно было найти в батальоне лучшего автоматчика, чем гвардии рядовой Фролов. И по горам он научился ходить как настоящий альпинист. А как овладел приемами рукопашного боя! Однажды в разведке Владимир один взял в плен нескольких солдат «противника». Словом, стал Фролов десантником по всем статьям. И когда хвалили его товарищи, когда восхищались его мастерством, он смущенно говорил:

– А как же иначе, ведь мне уже десять с половиной.

Акцент Владимир сделал на слове «уже».

Всего десять исполнилось гвардии рядовому Федору Комягину, когда остановился он на полпути к вершине: «Все. Не могу больше. Задыхаюсь».

А через шесть месяцев, в десять с половиной, Комягин ловко взбирался почти по отвесным скалам.

Казалось бы, много ли – полгода? В классе или у станка, может быть, и нет. Но в обстановке, когда рядом – враг, когда кровь – суровая реальность, полгода – это время. Время, где на особом учете каждая минута и даже секунда. Время, максимально насыщенное напряженнейшими тренировками и занятиями. А будь иначе, не успели бы ребята Солуянова пройти за шесть недолгих месяцев путь из мальчишек в солдаты, с которыми смело можно идти и в атаку, и в разведку.

Двадцать – солдатам, тридцать – комбату. Вроде не так уж велика разница, пока не посчитаешь армейский стаж. А с ним возраст приобретает принципиально иную окраску. Солдаты в армии – два года из двадцати. Комбат – тринадцать из тридцати. А вообще-то четырнадцать исполнилось Саше, когда последний раз помахал с пригорка родной своей Пономаревке, куда долгими зимами сбегались едва ли не все оренбургские ветры и откуда увозил он с собой в суворовское солнечную радость ушедшего детства, книжку про Ваню Солнцева, да еще пару лыжных ботинок. Не предполагал, конечно, ни тогда, ни много лет спустя, что доведется служить здесь, среди каменистых уступов Гиндукуша. Что здесь он пройдет огни и воды, из чего складывается боевой опыт. Огни – в небольшом кишлаке под Гератом, где вызволяли из пожара детей, стариков и женщин, перепуганных, обреченных на смерть, запертых в сарае, подожженном

озверевшей бандой душманов. Воды – когда близ другого кишлака взбунтовалась стихия и оказалась затопленной больница, единственная, пожалуй, в округе. И там, и там Солуянову и его подчиненным пришлось спасать дехкан под огнем бандитов.

«И это – люди?» – ужаснулся Солуянов, присутствуя на допросе главаря банды, узнавая все новые и новые детали изуверств душманов.

Где-то здесь, в распадке вот этих самых гор, по которым идет сейчас с полной боевой выкладкой его батальон, приютился и тот кишлак, который однажды утром показался почти идиллическим, плывущим в белом куреве летних туманов. И только когда из-за дувала предательски прогремели автоматные очереди, когда вскрикнули, упав на землю, сразу несколько человек из пуштунского племени, когда, крикнув: «Душманы!» – кинулся к командиру один из солдат батальона, только тогда понял Солуянов, насколько обманчивы бывают здешние идиллии и как хрупок здешний покой.

Да, немало тайн хранят сегодня горы. Эти вот горы, где приходится отрабатывать учебно-боевые задачи в обстановке, максимально приближенной к боевой. Эх, сейчас бы на лыжи, да вихрем бы с попутным ветром!

Вихрем? Что ж, когда-то, школьником, и на районных, и на областных соревнованиях словно вихрь летел он к победе. Было так и в суворовском, когда участвовал в спартакиаде суворовских и нахимовских военных училищ и возвращался оттуда с золотой медалью. Но было и по-другому.

...Вице-сержант Солуянов шел вторым. Впереди – товарищ по команде суворовец Леонид Лебедев. Хоть и вели гонку два лыжника из одной команды, но вопрос, чья команда победит в общем зачете, оставался открытым: и Солуянов, и Лебедев на огневом рубеже получили больше штрафных очков, чем те, что шли позади. Общий зачет команде сейчас определялся по одному человеку. Время второго члена команды роли не играет. Лишь бы он не сошел с дистанции. Чем дальше оторвется лидер от преследователей, тем больше шансов на командный успех.

Лебедев набирал темп. И вдруг повалился в снег. Александр приналег на палки. Быстрее, быстрее. Подкатил к Леониду и ахнул: крепления на его лыжах – вдребезги. Солуянов снял свои лыжи, сказал товарищу: «Бери».

Лебедев снова умчался вперед. Александр кое-как приладил разбитое крепление, потихоньку пошел к финишу. Для него было главным – дойти. Он старался заглушать в себе чувство обиды, когда слышал сзади: «Лыжню!».

Солуянов дошел до финиша и, обессиленный, повалился к товарищам на руки. Мы оценили его поступок. Кто-то крикнул: «Качать!» Словно Александр первым разорвал финишную ленточку.

– Р-раз – подкинули! – дирижировал один из друзей.

– Два – поймали! – вторил ему другой.

В какой-то момент по счету «два» суворовцы сплеховали – Александр плюхнулся в снег, и кто-то, знавший об увлечении Солуянова парашютом, не удержал улыбки:

– Считай, Санек, поздно дернул за кольцо.

Эх, парнишка из суворовского, знать бы тебе, что позже других дергает за кольцо самый опытный, самый смелый из десантников. То есть такой, каким действительно станет со временем Александр Солуянов.

Он пришел в крылатые войска, когда отрабатывались сложнейшие элементы десантирования и когда старшим начальником, что называется, не хватало часов марки «Командирские», чтоб поощрить всех отличившихся.

И сейчас влечет юношей в десантные войска, как влекло когда-то Александра Солуянова. Молодость всегда хочет испытать себя не в одном, а сразу в нескольких делах. Десантнику же надо быть боеспособным и на земле, и в небесах, и на воде. Не отсюда ли отразились в самой его форме сразу несколько видов Вооруженных Сил: сухопутная шинель, флотская тельняшка и крылья в петлицах?

Помню день спортивного праздника, устроенного для участников Всеармейского совещания секретарей комсомольских организаций. Солдаты-десантники разыгрывают схватку на поле боя, играючи вгоняют гвозди, зажатые в руке, в толстые доски, расшибают ладонью кирпичи, «снимают» броском ножа часовых, демонстрируют другие приемы, от которых захватывает дух.

Но помню и реплику одного из зрителей: к чему все это в век атома и ракет? Реплику, узнав о которой Солуянов широко улыбнулся.

– М-да-а, – протянул Александр, – кто-то всерьез думает, что снимать часового в современном бою будут не иначе, как межконтинентальной ракетой.

Предвижу вопрос: а сам Солуянов может забить гвоздь взмахом руки, расшибить ребром ладони кирпич? Нет, не может, хотя силой и ловкостью не обделен. У Солуянова первые разряды по четырем видам спорта. Однако замечу: армейский командир силен прежде всего умением подчиненных, их мужеством и отвагой.

Подчеркну: умением. Таким умением, каким отличились заместители командиров взводов гвардии сержанты Николай Чайкин и Виктор Налымов. Им по вводной старшего начальника в сложнейшей тактической обстановке пришлось принять на себя командование подразделениями. Не спасовали, не растерялись, с задачей справились блестяще.

Подчеркну: мужеством. Тем мужеством, которое помогло солдатам взвода гвардии лейтенанта Михаила Иваненко не дрогнуть под обрушившимся на них камнепадом. А затем без подручных средств (все поглотила лавина) покорить отвесную скалу, выйти на единственно уцелевшую тропу и в кромешной тьме совершить многокилометровый марш-бросок по горам, где на каждом шагу – опасность, и выполнить поставленную задачу.

Подчеркну: отвагой. Той отвагой, с какой шагнули в бессмертие воспитанники Ленинского комсомола гвардии рядовые Дилар Кашапов, прикрывший от осколков гранаты товарища, и Михаил Ладейщиков, заслонивший от душманских пуль своего взводного командира.

Вот этим умением подчиненных, их мужеством и отвагой силен комбат Солуянов.

Если же говорить о его личном умении, то оно прежде всего в способности направить мастерство подчиненных на безупречное решение боевой задачи. На тактическом учении, о котором уже говорилось, группа десантников во главе с гвардии майором Солуяновым, выполняя очередную вводную, столкнулись... с противником. Только теперь уже – не в кавычках, не условным.

Банда душманов до восьмидесяти человек шла на перехват афганского каравана с хлебом и медикаментами. Шла тем же путем, что и группа Солуянова числом в двадцать человек. Двадцать против восьмидесяти...

Те, восемьдесят, предполагали, что горстка солдат во главе с офицером дрогнет. Они и не могли рассуждать иначе, потому что фактор внезапности был их союзником. Они не могли думать иначе и потому, что для них ведение боевых действий тут, среди гранитных уступов Гиндукуша, дело привычное, а для солдат с красными звездами на беретах здешние места – тайна за семью печатями.

Однако душманы просчитались. Они не учли, что характеры советских воинов по твердости не уступят гранитным утесам.

Группа Александра Солуянова отразила нападение душманов, рассеяла банду. Командир был ранен в том бою.

Несколько недель был прикован к постели. Не мог даже написать жене Ларисе письмо. Наконец письмо, где улыбка и грусть – вперемежку, ушло на далекую Родину.

«Хоть я и Александр, да совсем не Пушкин, – писал Солуянов. – Совсем не болдинские у меня осени. Не знаю, когда придет та самая, что подарит мне радость».

Наверное, комбату, когда делился своим невеселым настроением с женой, вспомнилась и та далекая безотрадная осень, что принесла нам, его однокашникам, тревожную весть: Александр Солуянов расстался с мечтой о десанте. Осенью семьдесят первого, будучи еще курсантом воздушно-десантного училища, он на учениях получил тяжелейшую травму. По излечении предстал перед строгим полковником медицинской службы.

– Ну, что будем делать? – спросил полковник.

– Служить, – ответил курсант Солуянов.

– Где?

– Только в ВДВ.

Военный врач был в своем деле дока. Он видел людей, которых возвращали в строй и к любимому делу после того, как побывали они в самых невероятных переделках. Чтобы после его травмы вернуться в десантные войска, нужна стальная воля, железный характер.

– Однако, герой, – улыбнулся полковник. ...Тринадцать лет оставалось тогда до той самой осени, когда Героем Александра Солуянова назовет страна.